

ББК 67.1(2)

Ю.А. Зеленин

**«Русский социализм» идеологов
классического народничества
в освещении советской историографии**

Ключевые слова: народничество, советская историография, «русский социализм», идеализация крестьянской общины, коммунизм, утопизм.

Keywords: «Russian socialism», classical populism, ideological phenomenon.

Возникший в 1840-х гг. под названием «русский социализм», этот базовый компонент идеологии народничества за свою длительную историю приобрел множество синонимов. Он известен также под названиями общинный, крестьянский, мужицкий, мещанский, аграрный, сельский, земский социализм и др. Ни одно из этих названий, отражая или искажая реальность, не раскрывает всей сложной сущности этого феномена.

Если взять за основу эпитет «общинный» применительно к интегральной концепции социализма у народников, то получится, что М.А. Бакунин, к примеру, не являлся сторонником такой модели – с его точки зрения традиционный институт крестьянской общины при отсутствии свободы выхода из нее будет всего лишь «зародышем социализма». В русском языке существует две формы произношения слова «община» с ударением на втором слоге – общѣна и на первом слоге – община. Можно предположить, что здесь первоначально существовало и смысловое различие. В первом случае подразумевалась поземельная единица, а во втором – самоуправляющийся институт, он же «мир». Правомерно, таким образом, говорить о народническом социализме не столько как об общинном, с акцентом на общинном владении землей, сколько как об общинном, т.е. самоуправленческом социализме.

Точно так же неадекватным может считаться и прилагательное «крестьянский» по причине того, что русский социализм второй половины XIX в. – это продукт интеллектуально-психологической рефлексии мыслителей, которые по своему происхождению, культуре и образованию были не крестьянами, а дворянами. Но словосочетание, допустим, «дворянский социализм», как и «крестьянский» (мужицкий, мещанский), также явно не подойдет, если подразумевать под ними узкогрупповые, сословные интересы народничества. Их социализм точнее назвать народным или общественным. В этом случае вполне употребим термин «земский социализм», если считать «земство» и «общество» синонимами.

Не может этот социализм называться аграрным, или сельским, поскольку народники понимали, что данный уровень развития общества достижим только

при соответствующей индустриализации и с обязательным условием сохранения экосистемы. Поэтому здесь более применим эпитет «экологический». Наиболее нейтральным следует признать термин «народнический социализм».

Научная актуальность этой проблемы обусловлена тем, что догматически негативное отношение к народническому социализму, свойственное советской историографии, сохранилось, отчасти без изменения, в ряде современных научных монографий [1, с. 197–216], не говоря уже о публицистических статьях [2, с. 160].

В советской историографии данной теме уделялось сравнительно большое внимание. Заметный подъем интереса к этой проблеме со стороны исследователей начинается с конца 1950-х гг. Тогда многие историки и философы, такие как А.И. Володин, Г.Г. Водолазов, В.А. Твардовская, И.К. Пантин, Н.С. Федоркин, В.А. Малинин, Н.М. Пирумова и другие, внесли весомый вклад в изучение идейного наследства теоретиков народнического социализма. Но в советской историографии всегда неизменным оставалось негативное отношение к этому явлению, в основе которого – взгляды В.И. Ленина.

Необходимо учесть то, что воззрения основателя СССР на народнический социализм претерпевали определенную эволюцию по мере корректировки возглавляемого им режима. Так, в 1912 г. В.И. Ленин утверждал, что во всем народническом социализме от Герцена до социалистов-революционеров «нет ни грана социализма», что это лишь «доброе мечтание, облекающее революционность буржуазной крестьянской демократии в России» [3, с. 258]. Считая данную идеологию разновидностью мелкобуржуазного социализма, В.И. Ленин делал акцент лишь на экономических требованиях народников: освобождение крестьян с землей, общинное землевладение, выражающие интересы крестьянства как мелкобуржуазного класса. Поэтому он и считал, что народнический социализм – это псевдосоциализм, который не может выйти за рамки буржуазного мировоззрения. Истинный социализм, с ленинской точки зрения, может быть только пролетарским. И значит, суть «русского социализма» (отсюда и кавычки) в реальности составляет крестьянский демократизм.

В январе 1918 г., когда большевики находились в так называемом временном соглашении с партией левых социалистов-революционеров, В.И. Ленин рассуждал уже как народник (или притворялся им),

признавая «очевидным, что есть здоровое, жизнеспособное, великое социалистическое зерно в учении тех, кто хотел крестьянство, в его трудовой части, присоединить к великому социалистическому движению рабочих всего мира» [4, с. 263]. Эта противоречивость в его взглядах на народнический социализм не отмечалась советскими исследователями. Сутью народнического социализма признавалось только «здоровое и ценное зерно... боевого демократизма крестьянских масс» [5, с. 121]. Н.С. Федоркин, к примеру, подряд цитировал в своей работе в обратном хронологическом порядке эти два ленинских высказывания, не видя в них особого разногласия [6, с. 7].

Основными характерными признаками «русского социализма» в интерпретации советской историографии были его утопичность, мелкобуржуазность а, следовательно (в период появления так называемого пролетарского социализма) еще и реакционность. С другой стороны, полностью игнорировались или неадекватно оценивались такие его эпитеты-характеристики, как народный, этический, индивидуалистический, экологический, антиэтатистский и федералистский. Рассмотрим подробно некоторые из этих характеристик.

Утопический социализм в советском общественном знании трактовался как учение (проект, мечтание) о коренном преобразовании общества на социалистических началах, не опирающееся на знание законов общественного развития и его движущих сил [7, с. 141]. Таким образом, основными его взаимосвязанными признаками считались ненаучность и неосуществимость. Весь процесс развития социалистической мысли в советской историографии рассматривался под углом движения от утопичности к научности. Чем больше общего во взглядах какого-либо идеолога с «научным коммунизмом», тем он менее утопичен. Исходя из этого критерия оценивались и различные варианты народнического социализма. Самым близким предшественником «научного коммунизма» среди идеологов народничества (эту традицию в марксистской историографии заложил Ю.М. Стеклов) считался Н.Г. Чернышевский. Так, в монографии И.К. Пантина «родоначальником социализма в России», «действительно первым русским социалистом» оказывается лишь Н.Г. Чернышевский [8, с. 39]. На втором месте были А.И. Герцен, П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев. Дальше всех от «научного коммунизма», что недалеко от истины, оказывался М.А. Бакунин. Однако если переставить акценты с отрицательных на положительные, тогда это своего рода комплимент со стороны его идейных противников и критиков.

Драматический опыт России в XX в. показал, что главной ценностью того или иного общественного идеала является учет реалий русской жизни. Исторический спор народничества и марксизма, как оказалось, не был окончен, вопреки утверждениям

видных отечественных марксистов от В.Г. Плеханова до И.В. Сталина. Если критерием истины, как они любили повторять, является практика, то именно эпигоны и апологеты доктрины российского марксизма вопреки многовековой истории самореализации русского народа проигнорировали национальные особенности его хозяйственного и культурного развития. Народнический идеал был менее утопичен и более близок к практике народной жизни, чем коммунистический идеал большевиков, который мог быть реализован только тотальным насилием над русским народом, или либеральный, с его зачастую некритическим копированием опыта западноевропейских моделей развития.

Впрочем, по-прежнему считая «русский социализм» реакционным в сравнении с марксистским социализмом, некоторые советские исследователи признавали способность его теоретиков учитывать национальные особенности: «Разработка народнического социализма представляла собой поэтому качественный рубеж в развитии социализма в нашей стране: теперь социалистический идеал был как бы привязан к колеснице российской истории» [9, с. 243–244]. Также ими признавалась диалектика национального и интернационального в этой идеологии [9, с. 233–234].

По сути народный социализм в советской историографии сводился к так называемому мелкобуржуазному, крестьянскому, аграрному, общинному (в узком смысле слова) социализму. Основание своего вывода советские историки видели в идеализации крестьянской общины. Данную специфику (несмотря на разногласия) усматривали все советские исследователи.

В советской историографии считалось бесспорным утверждение, что народники идеализировали крестьянскую общину, и этот аспект выставлялся в качестве наиболее слабого места в их концепции. Спорным для исследователей народничества был вопрос о характере, а, главное, о степени этой идеализации. Главным признаком народнического социализма А.И. Володин считал идеализацию общины – это вера в то, что сельская община – готовая ячейка будущего социалистического строя, с помощью которой можно миновать капиталистический этап развития. Поэтому Герцен и Чернышевский, по его мнению, являясь родоначальниками данного социализма, эволюционировали дальше по восходящей линии к ненародническим идеям [9, с. 248]. Однако следует отметить, что главные идеологи народничества, хотя и в разной степени, но все же критически относились к реально существующей крестьянской общине и не считали ее готовой ячейкой социалистического общества. При таком понимании идеализации сельской общины возникает вопрос о степени принадлежности к народничеству и к идеологии русского социализма

не только Чернышевского и Герцена, но и Огарева, Михайловского, Лаврова, Бакунина и др.

Более адекватна точка зрения современных исследователей, согласно которой большинству идеологов народничества, в том числе Герцену и Чернышевскому, свойственно двойственное отношение к общине как результату дуализма исторических реалий России XIX в.: «В имперской крепостнической системе уживались две формы общинного порядка: земская волостная община (мир) и оказавшаяся надельно-фискальная община. Причем обе тесно сплелись, перетекая из одной своей ипостаси в другую, так что стороннему наблюдателю немудрено было запутаться» [10, с. 80].

Н.М. Пирумова понимала под идеализацией общины народниками слабый учет ее экономической сущности (социально-экономическая дифференциация внутри общины, и как следствие, начало процесса ее разложения), и чрезмерный акцент на «инстинктивный коммунизм» [11, с. 118–119].

Интересен подход В.А. Дьякова к оценке идеализации крестьянской общины народниками. Им идеализация понималась прежде всего как «идеализация социально-преобразующего потенциала сельской общины, нарастающая в значительной мере под воздействием славянофильской пропаганды» [12, с. 132].

Таким образом, обвиняя народников в идеализации крестьянской общины, советские историки и обществоведы так и не выработали четких критериев ее определения.

В советской историографии активно разрабатывалась проблема отношения и отнесения к коммунизму идеологов классического народничества. Идеологи классического различали понятия «коммунизм» (от лат. *communis* – общий или общинный) и «социализм» (от лат. *socialis* – общественный), отдавая предпочтение последнему. Если коммунистическая идея отражает узко понятую социальность, которая тождественна административно-групповой (коммуна) или классовой общности, то социалистическая идея базируется на осмыслении интересов более широкой сферы, включающей в себя все общество [10, с. 81].

Коммунизм, абсолютизируя идею всеобщего равенства в ущерб другим ценностям, в особенности свободе, на практике приводит к жесткому регламентированию жизнедеятельности и нивелированию человеческой личности. Народники также понимали, что эти учения действительно близко стоят к массам, и в этом видели их силу и опасность. К примеру, еще в своей ранней статье «Коммунизм» (1843) М.А. Бакунин считал эту идеологию односторонней, несмотря на определенную справедливость ее требований, которая может легко обернуться рабством. Коммунизм для Бакунина – другое имя государственного социализма, т.е. «социализм без свободы», «рабство и животное состояние» [13, с. 42]. Поэтому мало

обоснованы взгляды тех советских исследователей, которые вслед за К. Марксом относили Бакунина к представителям так называемого казарменного коммунизма, намеренно сближая его взгляды с взглядами С.Г. Нечаева [9, с. 118; 14, с. 302–303]. Этот миф всегда широко использовался в советской общественной науке для подчеркивания разницы между научным коммунизмом К. Маркса и «уровнительным» для поддержания негативного образа Бакунина. И это несмотря на убедительные доказательства ряда советских историков, что Бакунин не имеет ничего общего не только с так называемым казарменным коммунизмом [15, с. 321–325], но и коммунизмом вообще [16, с. 152, 185–186].

Также только современными исследователями народничества отмечается важная экологическая составляющая народнического социализма. Она замечена в варианте народнического социализма Герцена [17, с. 84–85], но четко прослеживается и у других идеологов народничества, например у Чернышевского, Достоевского и др. [18, с. 230; 19, с. 302–306]. Экологизм, важный компонент народнического социализма, в советском обществоведении чаще всего интерпретировался как элементарная ненависть мелкобуржуазного крестьянского сознания к городской цивилизации.

Критика чрезмерной индустриализации и урбанизации, загрязнения окружающей среды, варварской эксплуатации биосферы, как следствий отчуждения современного человека от природы, представлялась составляющей казарменного коммунизма, к которому сводились все так называемые мелкобуржуазные социалистические учения. В частности «казарменным» коммунистом был представлен видный неонародник А.В. Чайнов [20, с. 24–26].

Не обращалось внимания и на этический характер народнического социализма, хотя этот фактор (в отличие от экономического обоснования марксистов) отмечался уже самими народниками [21, с. 79].

Чешский либеральный историк общественной мысли России Т. Масарик тоже делал акцент на различии между народниками и марксистами с их историческим и экономическим материализмом, которые «занимали крайне объективистскую позицию, ибо отрицая или, по меньшей мере, не учитывая индивидуального сознания, представляли массы и законы их исторического развития как основу доказательства осуществимости социализма. Смысл и обоснование социализма с обеих сторон были различны: противостояли друг другу этика и история» [22, с. 339].

Таким образом, русский народнический социализм, изначально развивавшийся в двух формах – светской и религиозной – прежде всего получил этическое теоретическое обоснование. Но если светский социализм ищет корни нравственности, добра и социальной правды в Природе, то религиозный социализм источником высших ценностей считает Бога. Основными

концепциями светского народнического социализма являются варианты Герцена и Бакунина.

Советская историография игнорировала тот факт, что уже в герценовском варианте народнический социализм не являлся сугубо аграрным: «Колокол» был и будет прежде всего органом русского социализма и его развития, – социализма аграрного и артельного, сельского и городского, государственного и областного» [23, с. 286].

А.И. Герцен первоначально преувеличивал значение общинного владения землей, считая его главным экономическим фактором, благодаря которому социализм в России станет реальностью раньше, чем в Западной Европе. Но все же он никогда не был безоговорочным идеализатором общинных порядков.

Вариант «русского социализма» Бакунина советской историографией был практически не исследован. Взамен был создан мифологический образ «апостола разрушения». В соответствии с такой версией М.А. Бакунин якобы выступал только за «социальную ликвидацию» и не имел никаких положительных идеалов социального устройства: «Для Бакунина самое важное в анархизме была его отрицательная, разрушительная сторона, о будущем строительстве он мало заботился...» [24, с. 93]. Этот миф только начинает пересматриваться в современной отечественной историографии [10].

Бакунинскому варианту «русского социализма» свойственна в большей степени антитоталитаристская направленность. В отличие, например, от А.И. Герцена, он изначально разрабатывал свою концепцию на основе идеи свободного и всестороннего развития местного народного самоуправления. Идеал земского социализма, как считал Бакунин, мог реализоваться либо добровольной самореорганизацией централизованного имперского строя в земскую федерацию, либо принудительным социальным переворотом «снизу». Для этого последовательного антиэтатиста был характерен безусловный приоритет социальности над государственностью.

Как уже было отмечено, в советской историографии отсутствовало само понятие религиозного народничества, а, следовательно, не было и речи о существовании религиозных разновидностей народнического социализма. Авторские проекты такого социализма развивали в XIX в. Достоевский и Толстой.

В.Н. Пруцков – один из немногих советских исследователей, который видел в Достоевском не столько критика социализма, сколько создателя своего

христианского варианта «русского социализма». Он отмечал, что почвенничество «трансформировалось у Достоевского в православное народничество» и что «программа Достоевского имеет соприкосновения с некоторыми сторонами русского крестьянского утопического социализма, в особенности народнического социализма». Но тут же ошибочно утверждает, что «...русский социализм» Достоевского является антитезой крестьянского социализма русской революционной демократии 60–80-х гг.» [25, с. 70]. Пруцков преувеличивал патриархальную и антипросветительскую направленность «русского социализма» Достоевского.

В советской историографии в целом признавалась в какой-то мере принадлежность Толстого и к социализму [26, с. 40–41], и к народничеству [27, с. 111], но вместе эти два положения так и не были в должной мере соединены.

К примеру, В.В. Основин называет наивно-утопическими взгляды Л.Н. Толстого на достижение путем «непротивления злу насилием» справедливого общественного устройства, «которое он (Л.Н. Толстой. – *З.Ю.*) назвал христианским, социалистическим и даже коммунистическим». Но в утопичной и наивной, на взгляд автора, позиции Толстого заложена «...открытая ориентация на народные начала, стремление с народной точки зрения посмотреть на все сущее на земле и в мире» [28, с. 7]. Эта ориентация и есть, на наш взгляд, народничество, чего не договаривает автор.

Христианский социализм Толстого не опирается на традиционные вероисповедания – и католицизм, и православие, и протестантизм для него – это отступление от истинного христианства, т.е. все они суть лжеучения. Толстой критиковал те социалистические учения, в которых прослеживался доктринерский, насильственный характер, возвеличивание материальной сферы общества за счет духовности. Недаром Дж. Хоскинг характеризует народничество Толстого как духовное [29, с. 316]. На наш взгляд, назрела необходимость современного изучения социалистической концепции Достоевского и Толстого именно как особой разновидности народнического социализма.

Таким образом, советская историография, внося определенную вклад в дело изучения «русского социализма», не могла в силу во многом политической конъюнктуры быть свободной от многочисленных мифов и стереотипов, что являлось не только виной, но и бедой для многих добросовестных советских историков.

Библиографический список

1. Куляскина, И.Ю. Социализм в России как разновидность утопизма / И.Ю. Куляскина. – Благовещенск, 2004.
2. Штурман, Д. Размышления о либерализме // Новый мир. – 1995. – №4.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 21.

4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 35
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Т. 22.
6. Федоркин, Н.С. Утопический социализм идеологов революционного народничества / Н.С. Федоркин. – М., 1984.

7. Утопический социализм // БСЭ. – Т. 27. – М., 1977.
8. Пантин, И.К. Социалистическая мысль в России: переход от утопии к науке / И.К. Пантин. – М., 1973.
9. Володин, А.И. Утопия и история. Некоторые проблемы изучения домарксистского социализма / А.И. Володин. – М., 1976.
10. Должиков, В.А. Русский социализм: альтернативный вариант М.А. Бакунина / В.А. Должиков // Вопросы политологии. – Вып. 1. – Барнаул, 1999.
11. Пирумова, Н.М. «Русский социализм» А.И. Герцена / Н.М. Пирумова // Революционеры и либералы России. – М., 1990.
12. Дьяков, В.А. Освободительное движение в России. 1825–1861 / В.А. Дьяков. – М., 1979.
13. Бакунин, М.А. Философия. Социология. Политика / М.А. Бакунин. – М., 1989.
14. Аникин, А.В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма / А.В. Аникин. – М., 1990.
15. Пирумова, Н.М. Бакунин / Н.М. Пирумова. – М., 1970.
16. Стеклов, Ю.М. Михаил Александрович Бакунин. Его жизнь и деятельность : в 3 т. / Ю.М. Стеклов. – М. ; Л., 1926. – Т. I.
17. Гревцова, Е.С. Философия культуры А.И. Герцена и К.Н. Леонтьева / Е.С. Гревцова. – М., 2002.
18. Чернышевский, Н.Г. Полн. собр. соч. – М., 1948. – Т. 4.
19. Достоевский, Ф.М. Дневники писателя: избранные страницы / Ф.М. Достоевский. – М., 1989.
20. Арзамасцев, А.М. Казарменный «коммунизм» / А.М. Арзамасцев. – М., 1974.
21. Аптекман, В.О. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям / В.О. Аптекман. – Пг., 1924.
22. Масарик, Т.Г. Россия и Европа: эссе о духовных течениях в России / Т.Г. Масарик. – СПб., 2004. – Т. 2. – Кн. 2.
23. Герцен, А.И. Собрание сочинений / А.И. Герцен. – М., 1959. – Т. 19.
24. Горев, Б.И. От Томаса Мора до Ленина, 1516–1917 / Б.И. Горев. – М. ; Пг., 1923.
25. Пруцков, В.Н. Достоевский и христианский социализм / В.Н. Пруцков // Достоевский. Материалы и исследования. – Л., 1974. – Вып. 1.
26. Хорос, В.Г. Идеиные течения народнического типа в развивающихся странах / В.Г. Хорос. – М., 1980.
27. Рожков, Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении / Н.А. Рожков. – Л. ; М., 1928. – Т. 11.
28. Основин, В.В. «Главное значение искусства – значение объединения» (О взглядах Л. Толстого на искусство) / В.В. Основин // Толстой Л.Н. Что такое искусство? – М., 1985.
29. Хоскинг, Дж. Россия: народ и империя / Дж. Хоскинг. – М., 2001.